

Кульшра. - 1991. - 21 дек. - С. 6.

ЧУДЕСНАЯ ПАРА ИЗ КАФЕ «ЛЕ ПТИ СЕН-БЕНУА»

Год тому назад мне довелось беседовать с парижским журналистом **Фредериком Поттешером** (одна из его книг недавно вышла в Москве). Разговор зашел о том, как в нем проснулся интерес к России, и оказалось, что это очень давняя история.

— Первые русские, с которыми я был знаком, — **Василий Сухомлин, Кандинский, Лебедев** и эта чудесная пара из кафе «Лё пти Сен-Бенуа», да вы их знаете — **Гончарова и Ларионов**, оба художники, — они для меня были воплощением русской души, всего, что я навоевывал о России. А до этого я ведь страну знал только по великим романам **Толстого, Горького, Тургенева, Гоголя, Достоевского**, по их символам веры... Эта **Гончарова** — трогательное, поэтическое существо. А **Ларионов**! Этот полярный медведь, такой проказливый и такой нежный — как... как незабудка... Да, да, именно так. Если вы не верите, спросите у **Татьяны Логин**, она была ученицей **Гончаровой**.

Татьяна Логин, кто ж это? И тут я понял, что речь идет о художнице **Татьяне Муравьевой-Логиновой**, моей соседке по XIII округу Парижа: она живет как раз на краю «чай-натауна». Когда-то, еще до войны, она познакомилась с **Иваном Алексеевичем Буниним** и **Верой Николаевной**, жила у них в **Грасе**, однажды на годовую вечеринку перебралась корсиканцем и получила у **Буниных** домашнюю кличку **Корси...** Я позвонил ей в тот же самый вечер. Выяснилось, что она, как и **Поттешер**, познакомилась с этой легендарной парой в маленьком ресторане «Лё пти Сен-Бенуа», что на углу улицы **Сен-Бенуа**, близ рю де Сен и неподалеку от рю **Жак-Калло**, где они жили. Они первыми, еще в 1922 году, «угнездились» в этом ресторанчике, пришли туда вслед за новыми его хозяевами, супругами **Варе**, испытывавшими к этим русским особую симпатию. За столиком у них происходили все встречи — с близкими друзьями, с новыми знакомыми и с импресарио. Там бывали **Аполлинер и Кандинский, Шагал, Дягилев, Пикассо, Леон Блюм, Сартр, Ле Корбюзье, Бретон, Андре Жид...**

Татьяна Дмитриевна Логина вспоминает, что эти двое супругов — **завсегдатаев кафе** — являли между собой разительный контраст: **«Михаил Федорович громко смеялся, шутил,**

не переставая, заказывал какие-то необыкновенные блюда — его меню было, как он сам, необычным. А **Наталья Сергеевна** была приветлива, но сдержанна... Она время от времени останавливала мужа: «**Миша, чуть тише**». Она была статная, моложавая. «**Без сносу девушка**», — говорила она и заразительно смеялась. Одевалась просто, предпочитая темные тона, которые оттеняли цветной воротничок, шарф или брошка. Волосы гладко зачесаны, часто с платочком-повязкой... Держалась она с большим достоинством, и мадам **Варе**, хозяйка ресторана, с восхищением говорила: «**Как хороша мадам Гончарова, сразу видно — гранд-дама и гранд-артист**».

Мудрая парижская кабатчица не ошибалась. **Наталья Сергеевна** была из рода той самой **Натальи Гончаровой**, жены **Пушкина**, судьба которой до сих пор не оставляет спокойным ни одного русского. Эта **Гончарова** была великая художница. Как и ее муж, который зачастую скромно отступал в сторону, предпочитая, чтобы хвалили жену. Оба они были предтечами абстрактной живописи, «пионерами беспредметности», если, конечно, не брать в расчет народную живопись, картины литовца **Чюрлениса**. **Кандинский, Делонэ и прочие** — это все было уже после них или одновременно с ними.

Татьяна Логин вспоминает, что **Наталья Сергеевна** была «затворница», у нее была железная воля, она работала иногда сутками, не разгибая спины. А **Ларионов** покидал четыре стены, иногда искал

для жены театральную работу, хотя и он тоже редко расставался с карандашом, без конца рисовал в ресторане на меню, на бумажной скатерти, на салфетках — тут же щедро раздавал рисунки, среди которых подчас были шедевры.

Несмотря на эту несхожесть, эти два художника никогда не расставались, с самого 1901 года, когда они встретились юными, двадцатилетними в училище Живописи, Ваяния и Зодчества. После этой встречи она сразу оставила скульптуру и занялась живописью — но и в живописи ее оставалась, по мнению знатоков, скульптурность и даже отчасти монументальность, что могло идти и от отца — архитектора.

Они прожили вместе больше шестидесяти лет, создав множество полотен, эскизов, рисунков, книжных иллюстраций, театральных костюмов, театральных декораций для **Дягилева**, для **Бэлы Рейн**, для многих других. Но они не приобрели на свои заработки даже собственной квартиры в Париже — вообще никакой собственности, кроме скромного серого камня и места на кладбище «Иври паризьен», на котором упокоились они один за другим в начале шестидесятых годов: ведь оба они были щедры, оба были бессребреники, оба считали, что ничто, кроме искусства, не имеет значения.

Б. НОСИК.

ПАРИЖ.

● **С. П. Дягилев, И. Ф. Стравинский, Н. С. Гончарова и С. С. Прокофьев. Рисунок М. Ф. Ларионова. 1929 г.**

